

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР.

Бенефис г. Мартынова.
/28 января/

"Каменный дом", комедия в трех действиях, соч. г. Шигина; —
"Горе от ума"; — "28 января или кто во что горазд", — бенефици-
ная интермедия. — Антракт с танцами.

Бенефис г. Мартынова можно назвать блистательным: если да-
на была одна комедия бессмертного Грибоедова, то и тогда бы те-
атр был полон... Но г. Мартынов представил в свой бенефис, сверх
комедии "Горе от ума", — довольно дельную и новую оригинальную
пьесу: эту пьесу была комедия /в трех действиях/ г. Шигина:
КАМЕННЫЙ ДОМ: В доме богатого купца Снегового /г. Бурдин/, в
страшном загоне живет родная племянница его Наталья Ивановна
/г-жа Натарова/; не видя никакой отрады в семье дяди, она гото-
ва с радостью выйти замуж за прикащика его Коромыслова /г. Марко-
вский/, который, как-то улучив минуту, успел объясниться кое-
как ей в своих чувствах и при этом объяснил, что дом, в котором
она живет, принадлежит по праву ей. Все это слышала из сосед-
ней комнаты тетка Наташи Марфа Кузминична /г-жа Линская/ и пе-
редала мужу с прибавлениями. Вздвигнутый Снеговой гонит вон из
дому бедного прикащика и запрещает Наташе думать о нем, а чтоб
не потерять дом, старается приискать племяннице такого жени-
ха, который бы взял ее без гроша; повидимому сама судьба благо-
приятствовала Снеговому: отставной чиновник Светозаров /г. Зуб-
ров/ ищет руки Наташи и уверяет Снегового, что он не ищет при-
даного за невестку, а между тем в душе затевает отнять у него
дом на законном основании. Напрасно отец Снегового, столетний
старик МIRON Тихонич /г. Мартынов/, вмешивается в дела сына
своего и хочет помочь горю своей внучки, стараясь поддержать
сторону изгнанного прикащика сын неумолим и хочет обить Ната-
шу, за пожилого Светозарова, не смотря на то, что этот Светоза-
ров плут, небезукоризненного поведения. Светозаров сам настаи-
вает и торопит: разделяется с своею ключницей Лизаветой
Ивановной и уговаривает ее уехать в деревню, а — там формально
приступает к обручению. Но и прикащик не зевает: будучи в доме
Светозарова и узнав от его ключницы о какой-то бумаге /справ-
ке в праве Благочиния/, по которой Светозаров хочет изподтипка
завладеть домом Снегового или собственно наследственным досто-
янием его племянницы, — прикащик списывает копию с этой бума-
ги и, узнав в Управе, в чем дело, является с чиновником к Сне-
говому в то самое время, когда уже все почти приготовлено для
обручения Светозарова с Натальей Ивановной; объяснив, что дом
принадлежит Наташе и что Наташа, как совершеннолетняя, может
вступить во владение домом во владение домом сама, как законная
наследница, и имеет право выгнать из своего дома Снегового,
прикащик расстроивает планы Светозарова, а Снегового приводит
в отчаяние. Мысль, что он почти нищий, пугает Снегового и
пораждает в грубой душе его страшное намерение сжечь дом: он
уже готов совершить преступление — хочет закечь дом, но подоспе-
вший на ту пору старик отец останавливает его преступный за-
мысел и Снеговой невольно покоряется своей грустной участи-
потерять дом. К счастью, Наташа так добра, что делится с дядею
наследством пополам: она просит только при этом позволения
выйти ей за прикащика Семена. Снеговой соглашается и отстав-
ной жених Светозаров с досадою оставляет в покое Наташу.
Пьеса г. Шигина имела успех и произвела на зрителей самое при-
ятное впечатление. Автора вызывали — хотя он не явился на вы-
зов. Особенно отличается пьеса легким, бойким языком и ожив-
ленными сценами. В комедии проведена довольно удачная и
НЕИЗВИТАЯ мысль, что купеческая дочь не соблазняется женихом

чиновником, а предпочитает ему своего брата — прикащика Сению. Все лица **ОЧЕРЧЕНЫ** довольно живо и верно: столетний старик представлен спокойным, уступчивым, но умным и мыслящим семьянином; сын — разудалым купчиной средней руки; жена его — лихую женщиной, **ГРОИМОБОЕМ**. Ключница и чиновник Светозаров менее заметные лица, но и эти типы верно схвачены. Артисты дополнили мысль автора **Г. МАРТЕНОВ** необыкновенно — выразительно представил столетнего старца: с умом и с большим пониманием людей он олицетворил роль тихого, честного старца, патриархальной главы купеческого семейства. **Г-жа ЛИНСКАЯ** живыми, сильными красками обрисовала характер своенравной, сверливой купчихи со всеми ее размашистостями, грубыми приемами: особенно верно передала она буйные речи этой женщины во время спора ее с мужем за чайным столом по поводу слышанного ею разговора прикащика с Наташей, когда она твердит своему лысому муженьку, что тот не видит, что делается у него под носом. **Г. БУРДИН**, в лице мужа этой женщины, как нельзя правдивее, отстаивал свои права на главенство, на первенство у себя в доме, где он не позволяет водить себя за нос: он был невинно груб и настойчив, когда дело коснулось дома; он употребил все свое умение, весь свой узкий ум, чтоб отстранить права плутоватого чиновника на завладение этим домом впоследствии; он был хитр и недоверчив по своему. Но когда пришлось плохо, когда узнал, что ему грозит нищета, он пал духом, — все это очень натурально и со смыслом артистическим передано **г. Бурдиным**: одно только нам показалось утрированным в **г. Бурдине**, но это касается его внешности — непомерной лысины с тривиально-смешным клочком волос на лбу, — это вышло карикатурно. **Г-жа НАТАРОВА** как-то вяло исполнила свою роль. **Г. МАРКОВЕЦКИЙ** был точен и верен правде во втором действии, особенно во время разговора с ключницей Лизаветой Ивановной. За то и ключница эта в бойкой, отчетливо-понятной игре **г-жи ВОРОНОВОЙ** вышла совершенно живым лицом со всеми ее претензиями на своего рода **СВЕТЛОСТЬ** и манерами **МЕЩАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**: жаль только, что автор позволил ключнице так легко сдаться на капитуляцию при известии о женитьбе слишком близкого ей человека. **Г. ЗУБРОВ** правильно представил плутоватого чиновника, затеявшего женитьбу не столько по чувству и брачной жизни, сколько по тайному желанию воспользоваться каменным домом, приходившимся по закону на долю его предположенной невесты Наташи.

О комедии Грибоедова нечего говорить: мы уверены, что нет ни одного русского, хоть скольконибудь грамотного, который бы не знал ее содержания; напротив, большая часть знает целые сцены из "Горе от ума" на память. Мы сами слышали, как некоторые, во время представления комедии, договаривали фразы артистов и наперед произносили слова, которые приходилось говорить тому или другому артисту, участвовавшему в комедии Грибоедова. По этому мы ограничим свой отчет об ней разбором исполнения ее. Прежде всего мы должны принести искреннюю благодарность знаменитому нашему **Максимову** за творческое, великое, артистическое выполнение роли умного, желчного Чацкого. В прежние времена **г. Максимов** несколько сильно произносил все речи Чацкого от начала до конца и от этого сглаживались разнообразные оттенки обширного, глубокого ума этого непонятого, обиженного человека. На этот раз **г. Максимов** дал самые осязательные и притом разумно-применяемые к каждой сцене оттенки всей своей игре: он был велик и бесконечно гениален в продолжении всей пьесы: то был тих и спокоен в первом действии, как человек, искренно любящий, и следовательно небеснующийся, не кричащий о своих чувствах, как человек, еще полный надежды и потому с миром в душе приступающий к достижению своего сердечного намерения; то был недоверчив и подозрителен во втором и третьем действиях, и следовательно мало по малу раздражающийся, как человек, замечающий предпочтение себя как ому-нибудь **БЕССЛОВЕСНОМУ** Молчалину; то наконец сильно оскорбленный и

потому, как человек справедливый и нечеловекоугодливый до гнусной лести, громко вопиющий о неправде людей пустых, лживых, ханжей и притворщиков, которые большую часть бранят людей умных и клеветуют на них потому только, что эти люди яснее и осознаннее видят их ложь, их низость и ничтожность, а главное **ОСМЕЛИВАЮТСЯ ГРОМКО** говорить о их неправде и низости, тогда как другие, даже в седирах и **ГЛУБОКОМЫСЛЕННЫХ ОЧКАХ** на отвердевших морщинах, давно признали их авторитет... Как смеют эти Чацкие уничтожать наше **ВЕЛИЧИЕ**, твердят они, когда нас признали **ВЕЛИКИМИ** наши **ИНТИМНЫЕ** друзья на наших **ИНТИМНЫХ Вечерах**?! Горе вам, Чацкие! Мы вас сотрем с лица земли, мы вас лишим покоя своим злословием, своею клеветой, своим языком, мы вас займем именем **БЕЗГРАМОТНЫХ, СУМАШЕДШИХ** людей... Бедные Чацкие! как часто вам достается за ваш ум и за вашу бескорыстную правду, особенно от тех, которые воображают себя людьми чистыми и умеют казаться безукоризненными в известном, ослепленном ими, следствии каких-нибудь давно бывших отношений, кружке. Но Чацкие не унимаются и продолжают обнажать ложь и ханжество... А ложь и ханжество, в лице какой-нибудь сплетницы Наталии Дмитриевны, только и имеют **УТШЕНИЯ**, что дают волю всему злomu, змеиную языку и провозглашают, что Чацкие **СУМАШЕДШИЕ**, что Чацкие - **ГЛУПЦЫ**, что их выгоняют из дому, хотя бы даже того и не случилось.

О, еслиб кто в людей проник!
Что хуже в них: душа или язык?

Г. МАРТИНОВ в первый раз исполнил роль **Фамусова**, этого чиновного, чванного барина, ценящего людей по чинам и местам, а не по их внутренним достоинствам. Вообще можно сказать, что **Г. Мартинов** большую часть верно схватил мысль автора и был особенно комичен в сцене свиданий с Скалозубом и в **XIV** явлении последнего действия, когда он после бала, застает у лестницы **Софью** с **Молчалиным**; но нам показалось, что в первом действии **Г. Мартинов** не совсем углубился в смысл своей роли и лишь слегка очертил надменного **Фамусова**; нам показалось, что в этом действии **ЧЕРТОВ** недостаток в игре высокого нашего комика. **Г-жа ВЛАДИМИРОВА** очень удачно выдержала свою роль и избегала **ДЕЛАМАНИИ**. Особенно вызвала она единогласное одобрение после обморока и преимущественно в конце последнего действия при виде недостойного ухаживанья **Молчалина** за горничной **Лизой**: сколько бы неподдельной тоски и раздирающей душу грусти, когда она должна была разочароваться на счет избранника своего, низкого **Молчалина**! Грусть и горькая обида еще сильнее отозвались в ее сердце, когда она узнала, что все это известно **Чацкому**, который тут же обличил ее неудачный выбор. **Г-жа МИХАЙЛОВА** очень характеристически исполнила роль **Лизы** и была на месте. **Г. МЕМАЕВ** довольно слаб был в роли **Молчалина**: уж слишком глупенький юноша вышел у него **Молчалин**. Нет! **Молчалин** по-своему не глуп, он только низок и с подленькою душонкою. **Г. СОСНИЦКИЙ** необыкновенно рельефно изобразил **Репетилова** и с большим умением охарактеризовал этого неугомонного **пустомеля СТАРИКА-ЮНОШУ**. **Г-жа ЛИНСКАЯ**, в роли **Хлестовой**, была бы очень верна смыслу пьесы, еслиб несколько смягчила свои **СИЛЬНЫЕ** приемы, более уместные в ролях купчих, пожилых дев и других лиц, в исполнении которых она не может иметь соперниц. **Г-н ГРИГОРЬЕВ** был натурален в роли **Скалозуба**. **Г. КАРАТЫГИН** исполнил роль **Загорецкого** совершенно в духе пьесы: его **СТАРЧЕСКАЯ** живость, желание **МОЛОДИТЬСЯ** и **ВСЕМИРНАЯ** услужливость дамам переданы этим умным артистом в совершенстве. Вообще комедия Грибоедова исполнена была отчетливо и разумно: исполнением своим она придала самую интересную, знаменательную **ФИЗИОНОМИЮ** бенефису **Г. Мартинова**.

215

Третьею пьесой или фарсом была бенефисная интермедия: 28-е ЯНВАРЯ или /никак нельзя без ИЛИ/ КТО ВО ЧТО ГОРАЗД... К оставшему актеру Кинареечкину /г. Мартынов/, в день его именин, собираются гости: какой-то странный сочинитель, описывающий МУЖИЗИЗМ, МОЗГЛЯКОВ /г. Алексеев/ и артисты: гг. Максимов, Григорьев, Бурдин и Горбунов, в том числе и известная любимица русской оперной сцены г-жа ЛЕОНОВА; все они что-нибудь рассказывают и декламируют, а г-жа Леонова поет. Г-жа ЛЕОНОВА с душой и большим музыкальным талантом спела прекрасный романс графа Кушелева-Безбородко: НЕ ТОСКУЙ, НЕ ГОРЮЙ, и вызвала громкие, искренние рукоплескания. Г. МАКСИМОВ умно /но неизвестно кстати ли?/ прочитал басню Крылова: ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ. Выбор этой басни непонятен для публики, особенно в устах такого артиста, великий талант которого навсегда оценен умными и беспристрастными его соотечественниками. Признаемся, как-то горько было слышать эту басню в устах его после исполнения им роли Чацкого, которую восхищены были все бывшие в театре в бенефис г. Мартынова и осыпали артиста громом восторженных рукоплесканий...

П. ШИЛЕВСКИЙ.

/«Музыкальный и театральный вестник», 1857, № 5, стр. 67-69/.